

И.В. Петров, В.В. Михайлов

Святитель Димитрий (Абашидзе), церковная дисциплина и проблема крещения иудеев в Туркестане и в Крыму

I.V. Petrov, V.V. Mikhailov

Demetrius (Abashidze), church discipline and the problem of baptism of jews in Turkestan and Crimea

Многие российские архиереи рубежа XIX-XX столетий стали широко известны благодаря своей деятельности в годы революции, Гражданской войны, а также в связи с самым сложным периодом в истории Русской Церкви – 1920–1930-х гг. Среди плеяды молитвенников, церковных строителей, верных помощников в деле сохранения православия в стране, где господствовал государственный атеизм, мало может найтись архиереев, которые смогли не только пережить террор, но и дожить до Второй мировой войны, возглавляя церковные кафедры от Центральной Азии до Крымского полуострова. Важным исключением в данной связи может стать схиархиепископ Антоний (Абашидзе), в мантии Димитрий, чье служение в контексте отношения к проблеме крещения иудеев мы рассмотрим в данном материале.

Актуальность данного вопроса обусловлена необходимостью анализа деятельности наиболее видных представителей православного архипастырства в прошлом для решения межнациональных конфликтов дня сегодняшнего. Целью нашего исследования является анализ биографии данного церковного деятеля в контексте процесса роста антисемитизма и его проявлений на территории Российской империи, в том числе на национальных окраинах среди православных христиан и параллельного. Этому переходу иудеев в христианство. Задачами исследования стали: анализ наиболее заметных высказываний и посланий Димитрия (Абашидзе) по «иудейской проблеме»; оценка его кадровой политики в Туркестане и в Крыму, в том числе в русле поднятия церковной дисциплины; приведение наиболее ярких примеров конкретных действий архиерея в отношении крещенных иудеев и представителей иудейского вероисповедания. Объектом исследования является личность епископа Димитрия (Абашидзе). Предметом исследования является публицистическая, пастырская деятельность епископа Димитрия (Абашидзе) в Крыму

и Туркестане, а также реакция на нее вверенного ему духовенства.

Для получения результата нами был использован историко-антропологический подход, при котором можно подвергать рассмотрению практики деятельности православного духовенства в деле отношения к еврейскому вопросу. Также используется институциональный подход, Православная Церковь анализируется как институт, способствовавший с одной стороны, распространению русского влияния на окраинах, с другой стороны, противостоящий намеренному переходу в господствующую конфессию неблагонадежных лиц. С помощью микроисторического метода мы фокусируемся на деятельности одной конкретной фигуры, видного православного архиерея, служившего на разных по своему этническому и конфессиональному составу епархиях и отстаивающего четкую государственную позицию.

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, состоящие в основном из официальных посланий, статистики, послужных списков и отчетов духовенства, которые не всегда правдиво отображают реальную ситуацию в межнациональных и межконфессиональных взаимоотношениях. В связи с этим многие выводы, которые имеются в агиографической литературе, нуждаются в существенной критике и дополнительном анализе.

Давид Ильич Абашидзе, чей жизненный путь начался в фамильном имении в Сигнахском уезде Тифлисской губернии в далеком 1867 г., а окончился в период страшной оккупации Киева нацистами в 1942 г., детства он был обучен танцам, искусству фехтования, верховой езде, с отличием окончил юридический факультет Новороссийского Императорского университета в Одессе в 1891 г. В том же году, неожиданно для близких, поступил в Киевскую Духовную академию. На первом курсе академии, 16 ноября 1891 г., был пострижен в монашество с именем в честь святителя Димитрия Ростовского. В 1896 г. он окончил академию со степенью кандидата богословия и был рукоположен во иеромонаха. 16 августа 1896 г. был назначен преподавателем Священного Писания в Тифлисскую Духовную семинарию.¹

В 1897 г. будущий архиерей уже инспектор Кутаисской Духовной семинарии. В следующем году он был переведен инспектором в Тифлисскую Духовную семинарию, а 3 января 1900 г. был возведен в сан архимандрита и назначен ректором Александровской Ардонской миссионерской Духовной семинарии.

23 апреля 1902 г. будущий глава Туркестанской епархии был хиротонисан во епископа Алавердского и назначен сверхштатным членом Грузино-Имеретинской Синодальной конторы. Хиротония совершалась в военном Александро-Невском соборе города Тиф-

лиса экзархом Грузии Алексием (Опоцким) и епископами Владикавказским Владимиром (Сеньковским), Гурийско-Мингрельским Александром (Окропиридзе), Сухумским Арсением (Изотовым), Имеретинским Леонидом (Окропиридзе) и Горийским Вениамином (Борнуковым). С 4 ноября 1903 г. епископ Димитрий (Абашидзе) занимает Гурийско-Мингрельскую кафедру. В период первых брожений в российском обществе в 1905 г. епископ Димитрий покидает территорию родной для себя Грузии и с 16 апреля 1905 г. становится епископом Балтским, викарием Подольской епархии. А следующим его назначением стал Туркестан.

Период служения епископа Димитрия в Туркестане в последние годы уже не раз была предметом исследования современных историков, в особенности после канонизации архипастыря в 2011 г. Наиболее крупное на данный момент исследование жизненного пути архиерея выпустил протоиерей Василий Марущак, который с помощью доступных материалов сумел обозреть всю биографию архиерея, опираясь на крымские архивные хранилища, а также периодические издания тех лет и опубликованные воспоминания современников и очевидцев.² Наиболее заметными епархиями, которыми довелось управлять епископу Димитрию стали две – Таврическая, которую ему выпало возглавлять в период Первой мировой войны, революционных потрясений и смены власти в 1917-1920 гг., и Туркестанская и Ташкентская, во главе которой архиерей стоял с 1906 по 1912 гг.

Что может объединить обе эти епархии? Казалось бы, совершенно разные по своей истории они оставили неизгладимый след в жизни Абашидзе. Однако при внимательном рассмотрении может стать хорошо видно, что как в Тавриде, так и в Центральной Азии можно увидеть несколько схожих черт. Одна из самых главных из них – многонациональность и многоконфессиональность проживаемого там населения. В отличие от большинства «внутренних» российских епархий, основу для которых составляло преимущественно православное население, в условиях указанных мест служения архиерея, ему приходилось сталкиваться с самыми разными национальностями и вероисповеданиями. Так, на территории Крыма проживало большое количество греков и молдаван, имеющих свою культурную традицию, хотя и придерживающихся православной веры. Кроме того, на полуострове существовала большая община крымских татар, не потерявших в то время своего политического и культурного значения. Современный специалист по истории Крыма, А.А. Непомнящий справедливо заметил, что: «Представители прогрессивной национальной интеллигенции, деятели культуры и искусства активно включились в просветительское движение среди

крымских татар. Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался качественным скачком в развитии национальной словесности, в основе которой лежал средний диалект крымскотатарского языка».³ Безусловно, в таком многонациональном регионе нельзя было не учитывать контекст межнационального общения между православными и иноверцами, тем более, что некорректное поведение православного архиерея по отношению к местному мусульманскому населению, могло быть отрицательно воспринято именно интеллигенцией, активно включившейся в процесс национального возрождения.

Как же попал епископ Димитрий первоначально на Туркестанскую и Ташкенсткую кафедру, а затем в Крым? 20 января 1906 г. было принято решение, что новым епископом Туркестанским и Ташкентским станет епископ Димитрий (Абашидзе). Следует отметить, что, оказавшись на незнакомом для себя Востоке, епископ Димитрий проявлял в личном общении такие качества как тактичность, доступность, гостеприимство, простота в общении. Он довольно быстро выработал ключевые направления в служении, которые следует охарактеризовать отдельно.

Так, одним из них тут же стала подготовка кадров для церковно-приходских школ. Современный специалист по истории православия в Центральной Азии Ю.А. Флыгин, анализируя один из отчетов архиерея в Синод, отмечает: «Епископ Димитрий также в своем отчете остановился на проблеме качества педагогических кадров. По его утверждению, педагогический «персонал в церковноприходских школах есть элемент случайный: он получается главным образом из воспитанников и воспитанниц, не окончивших светские средние учебные заведения. Учащие в церковно-приходских школах, приобретшие достаточный опыт и знания в своем деле, стремятся перейти на службу в Министерство народного просвещения и в последнее время переходят туда в большом количестве».⁴

Особое внимание новый архиерей уделял проповеди трезвенничества, борьбе с пагубным пороком алкоголизма среди переселенцев, так как пьянство возбуждало недовольство и пренебрежительное отношение к русским и местного мусульманского населения. Итогом борьбы с пьянством стала организация обществ трезвости на территории всей епархии. Например, 9 мая 1912 г. было открыто Самаркандское железнодорожное общество трезвости (открытие было приурочено к местному престольному празднику Николая Чудотворца). Большое место святитель уделял и роли христианского печатного слова. До этого у Туркестанской епархии его попросту не было. Ранее существовали только лишь планы реализации этой задумки. Однако епископ Димитрий обращается в Синод и 1 августа 1906 г. получает разрешение на издание «Туркестанских епархиаль-

ных ведомостей».⁵ При нем в городах Верном и Ташкенте были основаны общества религиозно-нравственного просвещения. В среднем в год читалось от трех до четырех десятков лекций. Слушателей было от 40 до 200 человек.

Однако нельзя обойти стороной и основной фактор, который стоит в центре нашего рассмотрения – межнациональные конфликты в епархии и роль в них владыки Димитрия. Общеизвестно, что много места во время своего пребывания на территории Туркестана епископ Димитрий уделял проповеди, миссионерству, в том числе и противосектанской деятельности, что могло понравиться далеко не всем в епархии. Например, ставший епархиальным миссионером священник Василий Ильин был известен в епархии тем, что у Вокзальной улицы столицы ярко спорил с баптистами, тем самым привлекал активное внимание мирян. Другой достаточно важной акцией самого архиерея стало создание катехизаторских курсов, в которых должен был принять участие отец Иоанн Восторгов.

Подобные действия для архипастыря были необходимы в силу тех потрясений, которыми он считал события 1905-1907 гг. в России. Так, при архиерее в 1907 г. прошел съезд духовенства железнодорожных церквей Туркестана для борьбы с «красной пропагандой».

Проблемой для него было особое понимание того, что являлось для него подобной пропагандой. Так, особенно критически он относился к участию в революционных событиях лиц иудейского вероисповедания.

Общеимперская политика по еврейскому вопросу было крайне непоследовательной на протяжении всего XIX столетия. Современные специалист в теме особенностей проживания иудеев в Российской империи и трансформации отношения к ним имперских властей О.В. Будницкий справедливо замечает, что «...в течение трех десятилетий перед европейской катастрофой вектор политики российского правительства был направлен скорее на ограничение, нежели на эмансипацию евреев. Хотя правительство по-прежнему считало эмансипацию евреев своей конечной целью и делало время от времени шаги в этом направлении.... Таким образом, евреи, которые потенциально – подобно австро-венгерским или германским – могли бы стать «верноподданными», самой властью выталкивались в оппозицию, присоединяясь, в зависимости от социального положения или темперамента, к либералам или революционерам».⁶

Переход российских властей к большей веротерпимости в начале XX в. существенным образом поменял ситуацию, однако часть иудеев продолжала использовать переход в православие в своих корыстных целях.

На территории Центральной Азии местные военные и граж-

данские власти достаточно осторожно относились к проблеме межнационального и межконфессионального взаимодействия, а также к вопросу смены иудеями своей конфессиональной принадлежности. Можно согласиться с основным специалистом по истории православия в Туркестане Е.Е. Озмитель в следующем: «Не только мусульман и «находящихся в ведении муллы язычников из кара-киргизов» не торопились обращать в православие, но даже и к случаям перехода в православие католиков, лютеран и иудеев в епархии относились крайне осторожно. Губернские власти не приветствовали смену вероисповедания, которая была чревата возмущениями среди инославных общин, а духовные власти призывали с осторожностью совершать обряд крещения над иноверцами из-за того, что иногда христианство принималось не по идейным убеждениям, а с целью достижения житейских преимуществ».⁷

Касаясь вопроса о численности еврейского населения в регионе, за основу мы возьмем данные знаменитой Переписи населения 1897 г. Она была множество раз проанализирована современными авторами, целью которых стало определение количества иудейского населения Туркестана. Заметим, что еще с 1860-1870 гг. бухарские евреи расселяли на территории современного Казахстана. Их число особенно росло в пределах таких значительных городов региона как Тургай, Чимкент, Казалинск и Перовск. Примечательно, что в основном в города переселялись евреи мужского пола, что создавала впоследствии возможную вероятность для заключения смешанных браков с крестьянками. По подсчетам современных исследователей, данные переписи 1897 г. говорят, что только в пределах современного Казахстана проживало 1093 бухарских еврея.⁸

Другой исследователь, П.В. Литвиненко, отмечает, что на территории Туркестана евреев можно поделить на две основные группы – так называемых «европейских евреев», которые были более образованы и говорили на идише, и «туземных евреев», то есть тех, кто получил статус российского подданного. Вне этой группы оказываются евреи – «иностранцы», к коим относятся как бухарские евреи, так и персидские, китайские, афганские, хивинские, которые не имели, по мнению данного автора, единой организации.⁹

Часть еврейского населения стремилась к переходу в православие. Не мог остаться в стороне от столь деликатного вопроса и епископ Димитрий. В разгар своего служения в Туркестане он составил крайне любопытное послание, призванное разъяснить вверенному ему духовенству проблемы перехода в православие лиц иудейской конфессии, а также меры для противодействия к переходу тех, кто хотел стать христианином для получения каких-либо материальных выгод (частично данное послание, отложившееся в Центральном го-

сударственном архиве Узбекистана анализировал уже упомянутый нами П.В. Литвиненко, однако в контексте общеимперской политики по отношению к еврейскому населению в Центральной Азии).¹⁰ В 1912 г. епископ Димитрий составил послание, адресованное настоятелям церквей Туркестанской епархии для руководства и неуклонного исполнения. В центре него как раз находился пресловутый «еврейский вопрос».

Архиерея волновало то, что представители данной национальности «захватив в свои цепкие руки почти всю торговлю и все лавные виды промышленности», последние десять лет стали особо активны на территории Сибири и Центральной Азии для «укоренения здесь и хищнического захвата, или, сказать вернее, – для порабощения своему еврейскому племени, и этих богатых частей Русской Империи». Примечательно, что епископ Димитрий, несмотря на свою богословскую образованность, достаточно скудно разбирался в разном правовом положении иудейского населения Российской Империи, а также тех территорий, которые находились в той или иной зависимости от царской власти, ведь в данном случае примеры Сибири и Европейской части России просто не релевантны.

Достаточно жестко владыка Димитрий относился и к вопросу поведения иереев по отношению к иудейскому населению: «На нас пастырях Православной Русской Христовой Церкви должна лежать сугубая бдительность и осторожность при приобщении евреев Святым Крещением, так как мы обязаны охранять страду церковную от хищных волков, приходящих к нам в овечьей шкуре (Матф. 7,15), святые таинства – от наглого осмеяния и обращения евреями в средство для достижения своих земных выгод и вместе с тем ограждать отечество, и по духу и по плоти народ Православный от еврейского, не в меру разыгрывающегося, аппетита. Пастыри Русской Православной церкви постоянно живо и твердо должны помнить, какое великое счастье для них быть сынами-гражданами Православной Русской Империи, видеть на Престоле Царском Помазанника Божия, Первородного Сына общей Матери нашей церкви, Защитника и Покровителя Ее Веры и благочестия, чувствовать, что история родной церкви есть история и Их Отечества, иметь радость говорить, что Русское Государство и Русская Христова Церковь это синонимы».¹¹

В центре внимания владыки Димитрия стоит вопрос далеко не праздный для православного духовенства того времени – крещения иудеев. В данном случае грузинский князь по рождению, архипастырь был близок к наиболее консервативной части российских архиереев, разделявших канонические и политические вопросы (наиболее схожий пример представляет архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий), также имевший дворянское

происхождение, близкий к Союзу русского народа и выступивший с довольно пространном каноническим разъяснением-лекцией по «еврейскому вопросу» в 1906 г., впоследствии вышедшей отдельным изданием¹²). В послании епископ Димитрий призывает служивших на территории Центральной Азии пастырей обращаться к опыту духовенства Европейской России, считая, что именно там многие евреи специально покидали черту оседлости для «внешнего принятия христианства», особо проявляя расположение к христианским семьям. Предостерегал он и христианских девушек от скорых браков с недавними иудеями, подчеркивая, что через какое-то время часть юношей оставляют их. Архипастырь говорит, что иногда часть пастырей в пределах вверенной ему епархии боится принять решение о крещении евреев, перекаладывая всю ответственность на личность главы епархии. Архиерей подчеркивает, что должна существовать простая и понятная система ступенчатых правил, согласно которым можно разрешить подобное крещение. К ним относится: правильный богословский ответ желаемого принять Святое Крещение о Господе; представление свидетельства от местной полиции о праве постоянного или временного проживания вне черты еврейской оседлости с разрешения подлежащей власти; свидетельство о том, что желающий креститься не занимается каким-либо постыдным для христианина ремеслом и ни в чем предосудительном не был замечен. Архипастырь далее замечает, что в епархии был случай, что один из священников, подготовлял к крещению иудея – содержателя дома терпимости, от чего последнего спасло «только заявление одного доброго христианина».¹³ Получив эти официальные документы, а также собрав, по возможности, и частные сведения о желающем креститься, по мнению епископа Туркестанского и Ташкентского, можно было приступить к его оглашению. Священник в этом случае должен всячески избегать принимать одного из евреев-супругов, мирно живущих между собой и впредь желающих сохранять брачный союз. Огласительный срок должен быть продолжительным, ни под каким видом его нельзя сокращать. До крещения оглашенный обязан посещать православную церковь и, изучая заповеди Божии, расположить жизнь свою по ним. Жилище оглашаемого должно «принять вид христианского дома», иными словами, в комнатах должны быть поставлены «животворящий крест Христов, честные иконы и пред ними должны быть возжигаемы светильники, – елей и свечи». После подготовки к Таинству Святого Крещения, оно должно быть совершаемо в храме, перед Божественной литургией, со всевозможной торжественностью и всегда в присутствии благонадежных свидетелей. По совершении над евреем Крещения, священник обязан в тот же день посетить дом новопосвященного

и совершить там чин малого освящения воды и окропить Святой водой весь дом. Затем приходской пастырь обязан следить, чтобы христиане из евреев обязательно исполняли ежегодно долг исповеди и приобщения Святых Христовых Таин, достойно готовясь к сему посещениями богослужений в течение нескольких дней. Следить необходимо было, по мнению владыки Димитрия, и за тем, чтобы представители еврейской части православного населения вверенной ему епархии часто посещали православные храмы, особенно в праздничные и воскресные дни. В случае же если будет замечен факт недостойного отношения крещенных евреев к своему новому вероисповеданию, архиерей считал необходимым сделать два увещевания, после чего необходимо было обратиться уже к авторитету местного гражданского начальства, которое в свою очередь бы посчитало уклоняющихся лицами, отпавшими от христианства. Пастыри должны были теперь сообщать владыке Димитрию о ситуации с крещеными евреями раз год, а в ряде случаев и чаще, для того, чтобы максимально исключить возможность проникновения в Православную Церковь лиц «через обман и лицемерие».¹⁴

Любопытно, что в основном случаи крещения иудейского населения были зафиксированы в Центральной Азии теми представителями православного духовенства, которые подчинялись не епархиальному архиерею, а ведомству протопресвитера армии и флота. Особую роль в этом сыграл священник 1-го Туркестанского полка Булгаков, крестивший 27 человек, причем 23 из них были крещены «незаконным способом», с нарушением необходимых процедур. Как утверждал статский советник Радзиевский в рапорте Туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову, главной причиной подобных действий стало тяжелое финансовое положение священника, после же крещений, по утверждению Радзиевский, Булгаков приобрел собственный дом в Ташкенте.¹⁵

Проанализировав данный документ, он может нам показаться довольно радикальным как для своего времени, так и вообще для сохранения терпимых межнациональных и межконфессиональных отношений в епархии. Однако здесь надо учитывать три ключевых фактора. Во-первых, сам регион архипастырского служения владыки Димитрия, в отличие от западных губерний, а также от многих регионов Центральной России, отличается тем, что здесь вопрос желания «растворения» в общей народной массе бывших иудеев в традиционно населенной мусульманами Центральной Азии не стоял. Второй момент – архиерей видел опыт революционных сполохов в местах своего предшествующего служения и хорошо осознавал, насколько сильными могут быть желания людей неблагочестивых и неверующих, использовать Святое Крещение для своих корыстных

целей. Третий аспект – зачастую довольно низкий уровень образования, а иногда и подготовки служащего в епархии духовенства. Так, анализ послужных списков духовенства епархии иллюстрирует, что очень часто местные священники приезжали в епархию с вновь назначенными архиереями, другие же воспринимали переход в Туркестан как своего рода «ссылку» за неправильное поведение или же в связи с конфликтом с тем или иным архиереем. Из вышеназванных случаев, правда, были и некоторые исключения, когда пастыри сами хотели оказаться в Туркестане. Так, например, Клавдий Николаевич Подстаницкий из Вологодской губернии был унтер-офицером и прапорщиком, а с 1902 г. псаломщиком в Вологодской епархии.¹⁶ Далее последовало его служение уже в пределах Архангельской епархии, где он был диаконом в Кладбищенской церкви Архангельска, там же в Архангельской семинарии выдержал экзамен на священника. Как раз при владыке Дмитриии Подстаницкий переводится по собственному желанию в Туркестанскую епархию и становится псаломщиком в Александро-Невской церкви-вагоне Средне-Азиатской железной дороги.¹⁷

Недостаточную подготовку демонстрировал и довольно известный священник из Пишпека, отец Сергей Удальцов. Выходец из Крестецкого уезда Новгородской губернии, он окончил полный курс Новгородской Духовной семинарии, после чего и попал в Центральную Азию, стал священником Дмитриевской церкви селения Дмитриевского в Сыр-Дарьинской области, где также являлся законоучителем. При епископе Никоне (Богоявленском) отец Сергей в 1896 г. стал служить в Беловодской церкви и приписанной к ней Карабалтинской церкви. В 1897 г. он уже стал законоучителем в Беловодском приходском училище. С 1901 г. пастырь исполнял должность уездного наблюдателя церковных школ 1го округа Туркестанской епархии, а потом был утвержден в этой должности и назначен вторым священником Николаевского прихода города Пишпека, был законоучителем женского приходского училища в Пишпеке, заведовал церковно-приходскими школами селений Лебединского и Дмитриевского и состоял с того же года законоучителем в первой школе.¹⁸ Вскоре Удальцов становится председателем образованного Пишпекского уездного училищного совета и был направлен к Лебединской церкви владыкой Дмитрием 6 декабря 1907 г.¹⁹

Несмотря на продолжительный опыт своего служения на территории Центральной Азии и этот священник мог совершать ошибки в своем пастырском служении, на что ему часто указывал архиерей. Так, 2 декабря 1909 г. недовольный владыка Дмитрий писал благочинному церковью Пишпека протоиерею Александру Никольскому о том, что до него дошли слухи о «непраздновании в благочинии

памяти Святителя Христова и Чудотворца Димитрия, Митрополита Ростовского», что даже вблизи города Пишпека, в храме пригородного села Лебединского, не было в этот день божественной литургии, хотя местный священник был дома и вполне здоровствовал. Глава епархии просил немедленно разузнать о преступной небрежности некоторых настоятелей и подробно донести ему. Кроме того, архиерей просил сообщить на каком основании о. Сергей Удальцов «счел себя не обязанным идти на встречу ясно выраженному желанию своего архипастыря, встретить и проводить Святую икону Святителя Христова Николая, крестным ходом проследовавшую чрез село Лебединское и мимо вверенного ему храма Божия».²⁰

Что уж говорить о рядовом составе местного духовенства, иногда насильно сюда переведенного. В силу данных обстоятельств, глава Туркестанской епархии и считал нужным разъяснить вверенному ему духовенству всю возможную опасность, исходящую от инсинуаций желающих «внешне» перейти в христианство иудеев.

Впоследствии, когда архиерей будет служить в пределах Таврической епархии, проблема антисемитизма в духовной среде будет касаться его еще серьезнее (два таких примера в контексте случаев, произошедших с иеромонахом Серапионом (Воиновым) в 1915 г. и архимандритом Адрианом (Демидовичем) в 1917 г. уже были рассмотрены одним из авторов этой статьи совместно с д.и.н. А.С. Пученковым в специальной статье»).²¹ На территории Таврической губернии число еврейского населения было значительным. Так, согласно данным переписи населения Российской империи 1897 г. на территории губернии проживало 55 418 евреев, что составляло 3,8 % от общего числа, однако в городах их число превышало 34 тысячи.²² Еще одной значительной категории по переписи являлись «караимы и часть иудеев», их в пределах губернии насчитывалось 8911 человек, при том, что вне городов проживал только 341 человек.²³ Любопытно, что в тех же знаменитых томах, анализирующих перепись 1897 г., отмечено, что еврейское население здесь относиться к «здешним аборигенам», а про самих евреев сказано следующее: «Как этнографический тип, еврейский элемент в Таврической губернии не поддается точному определению с точки зрения родного еврейского языка; определение это выйдет полнее и точнее, когда, при распределении населения Таврической губернии по вероисповеданиям, будет идти речь о населении, принадлежащем к иудейскому вероисповеданию; многие из иудеев, как известно, говорят по-татарски, немало также из них считает своим родным языком русский язык».²⁴

В итоге отмечалось, что лиц иудейского вероисповедания в пределах губернии проживает 60 752 человек, а караимы составляют

6166 человек обоего пола.²⁵ После реформ 1905 г. процесс перехода иудеев в православие на полуострове не носил массовый характер, однако вспышки антисемитизма в регионе были существенными.

В условиях Первой мировой войны, когда градус антисемитских настроений в обществе был очень высоким, а представители еврейского населения часто обвинялись правой общественностью и обывателями в сотрудничестве с врагом, архиепископ Димитрий (Абашидзе) усмирил антисемитский настрой многих православных, выпустив специальное послание от 7 ноября 1915 г., призванное с одной стороны охладить пыл наиболее политически активных и антиправославно настроенных представителей местной власти, с другой стороны, успокоить наиболее явных правых борцов с иудаизмом.²⁶

Нельзя не отметить заслуги епископа Димитрия (Абашидзе) и по сплочению многоконфессионального населения Крымского полуострова в сложный период начала Первой мировой войны (к чему надо добавить еще и ее служение в годы Великой войне в качестве представителя морского духовенства²⁷).

В целом большинство населения Тавриды встретила начавшуюся войну с невероятным патриотическим порывом. Так, известен крайне любопытный случай совпадения в начале сентября 1914 г. еврейского праздника еврейского праздника Рош ха-Шана с православным Рождеством Пресвятой Богородицы. 8 сентября указанного года на набережной Ялты можно было наблюдать крайне примечательную для России того времени картину, когда вместе портреты императора и императрицы, российские триколоры и флаги государств Антанты несли как местные православные, так и иудеи, и крымские татары.²⁸ Подобная картинка была обусловлена, на взгляд авторов данной статьи, патриотическими действиями архиерея, епископа Димитрия. Еще в середине августа 1914 г., когда война только началась, архиерей выпустил обращение ко всем пастырям полуострова, отпечатанное в виде отдельной брошюры. Он специально заострил внимание на том, что одним из самых пагубных явлений для страны сможет стать межнациональная вражда, с которой может столкнуться Россия в условиях большой войны. В данном случае он наставлял духовенство как можно лучше следить за градусом межнациональных и межконфессиональных противоречий и стараться всячески ограждать православных от влияния националистической пропаганды.²⁹

Наконец, еще одним случаем, когда владыка Димитрий (Абашидзе) мог высказываться по национальному вопросу во время своего пребывания на Таврической кафедре могли стать события Поместного собора 1917-1918 гг. Захват власти большевиками и царящая в

Москве атмосфера противостояния между юнкерами и большевиками не могла не привести в замешательство многих православных пастырей и архипастырей. И даже в столь сложном политическом моменте, архиепископ Димитрий вспомнил о любопытном случае, имевшем место во время его служения в Центральной Азии. Он отметил, что молиться стоит не только за убитых православных юнкеров, но и за тех иудеев, сторонников большевизма, которые погибли и были погребены у стен Кремля. Архиепископу вспомнилось, как однажды в Андижане ему довелось участвовать в погребении, и «прежняя власть» хоронила вместе с православными двух иудеев, Давида и Соломона. Епископу Туркестанскому и Ташкентскому пришлось молиться в этом случае и за них, так как он первоначально не знал о погребении представителей двух конфессий совместно.³⁰

Подводя итог нашему исследованию, следует выделить некоторые особенности служения архиерея в Туркестане и в Крыму. Многонациональность и многоконфессиональность региона Центральной Азии предопределяла необходимость улучшения кадров православного духовенства, а также единства рядов православных христиан-переселенцев, а росту числа православных верующих за счет местного населения. При этом, как показал анализ наиболее релевантных биографий части духовных лиц епархии, они не были готовы в силу личных качеств и недостаточного духовного образования к миссионерской работе и формированию ясной позиции в отношении иноверцев, в особенности иудеев. Ответом на подобный факт стало жесткое послание главы епархии, в котором он предостерегал вверенных пастырей от поспешных шагов в отношении крещения лиц иудейского происхождения и четко прописывал их действия при возникновении выказывающих желание принять крещение. Именно поэтому он часто отмечал необходимость проверки новообращенных, необходимость грамотно следить за исполнением новых для перешедших в христианство бывших иудеев обязанностей.

Ситуация на Крымском полуострове была отличной. Несмотря на кажущиеся сходства, в виде существенного количества иудеев, а также мусульман в лице крымских татар, Димитрий (Абашидзе) выступал в данном случае как глава епархии, которая занимается вопросами военно-патриотического характера в условиях Первой мировой войны. Он сглаживал межнациональные конфликты, способствовал объединению лиц разной конфессиональной принадлежности для общего дела победы России в войне. Сумел он разрешить конфликты и с наиболее жестко антисемитски настроенными представителями духовенства, а также доказать свою роль миротворца в межнациональном вопросе и в период

Поместного собора 1917-1918 гг. Сохранит свою позицию по национальному вопросу архиерей и позднее, в годы Гражданской войны и в советское время, однако данный вопрос требует уже отдельного серьезного рассмотрения.

Наконец, отвечая на поставленный вопрос о личном отношении архиерея к иудаизму и переходу иудеев в православие, следует сравнить Димитрия (Абашидзе) с будущим главой РПЦЗ митрополитом Антонием (Храповицким), который останавливая на Волыни еврейские погромы, строго следил за исполнением канонов и боролся с революционной пропагандой. Тем самым, можно говорить об архиерее, как о человеке не лишенном критического отношения к иудеям, но выступавшего против погромных антисемитских действий.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914-1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. С.8.

2. Маруцак В., протод. Архиепископ Димитрий (в миру Антоний) Абашидзе. Симферополь: Доля, 2005.

3. История крымских татар. Т. IV. Крым в составе Российской империи (конец XVIII – начало XX века) / Инст. истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; Отв. ред. А. А. Непомнящий. Казань, 2025. С.902.

4. Флыгин Ю.С. Деятельность Русской Церкви на ниве просвещения в Туркестанском крае // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 2. С. 125.

5. Лай П. прот., Патрахин Л., прот. По стопам апостола Фомы. Воронеж: б.и., 2009. С.82-84.

6. Будницкий О.В. Евреи в Российской империи. Краткий курс. 1772-1917. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С.120.

7. Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии XIX-XX вв. Исторический очерк. Бишкек: КРСУ, 2003. С.38.

8. Куповецкий М.С. Бухарские евреи на территории Казахстана в XIX-начале XX вв.: расселение и численность / Евреи в Центральной Азии: история и современность. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 209-211.

9. Литвиненко П.В. Крещение adeptов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине в XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022 Vol. 21 № 3 407–408.

10. Литвиненко П.В. Крещение adeptов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине в XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022 Vol. 21 № 3 С. 404-416.

11. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 3. Л. 36 об.
12. Еврейский вопрос и Святая Библия: речь- лекция, произнесенная в феврале 1906 г. на духовном чтении в Житомире, а 11 мая того же года в Петербурге / Антоний (архиепископ). СПб.: б.и.: 1910. - 15 с
13. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 3. Л. 37-37 об.
14. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 3. Л. 38.
15. *Литвиненко П.В.* Крещение адептов иудаизма в Туркестанском крае во второй половине в XIX – начале XX в.: масштабы и мотивация // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022 Vol. 21 № 3 408–409.
16. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 55. Л.15.
17. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 55. Л.17 об.
18. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 8. Л.1-4 об.
19. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 8. Л.5 об.
20. Центральный государственный архив Кыргызстана. Ф. 72 Оп. 1 Д. 1. Л.25-25 об.
21. *Петров И.В., Пученков А.С.* Черновики будущего»: проблема антисемитизма в рядах таврического духовенства в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2019. №12 (2). С.205-220.
22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.. Таврическая губерния. 1904. XXVI. С.V.
23. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.. Таврическая губерния. 1904. XXVI. С.V.
24. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.. Таврическая губерния. 1904. XXVI. С. IX.
25. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Таврическая губерния. 1904. XXVI. С. XIII.
26. Ответ преосвященного Димитрия // Южные ведомости. 1915. № 258. 7 ноября.
27. *Калиновский В.В., Пученков А.С., Самыловская Е.А.* Служение архиепископа Димитрия (Абашидзе) на Черноморском флоте // Вопросы истории. 2020. №4. С.18-33.
28. *Пученков А.С., Калиновский В.В.* Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914-1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. С.83.
29. *Пученков А.С., Калиновский В.В.* Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914-1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. С.56-57.
30. *Пученков А.С., Калиновский В.В.* Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914-1920-х годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. С.280-281.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Петров Иван Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Русской христианской академии имени Ф. М. Достоевского, доцент Санкт-Петербургского филиала Российской Таможенной академии, 192241, Российская Федерация, СПб., ул. Софийская д. 52.

ORCID: 0000-0002-3692-7938

ivanspetrovs7@gmail.com iv.petrov@spbrrta.ru

Вадим Викторович Михайлов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 196135, Российская Федерация, СПб.

ORCID: 0000-0001-9967-8572

batukom@mail.ru

В статье на основании документов из Центрального государственного архива Кыргызстана и опубликованных в последние годы в Российской Федерации исследований анализируется позиция епископа Димитрия (Абашидзе) в отношении еврейского вопроса. Ранее в фокусе читательского внимания находились вопросы его политической позиции и отношения к межконфессиональному и межнациональному диалогу в период революционных потрясения 1917 г. и Гражданской войны, на этот же раз рассматривается время его служения в Туркестане. В ходе написания статьи авторы пришли к выводу, что владыка Димитрий не был сторонником антисемитизма, однако строго следил за тем, что православные священники в Центральной Азии строго выполняли свои пастырские обязанности и следили за тем, чтобы бывшие иудеи не переходили в христианство для получения преференций со стороны властей. Был выделен факт того, что общее состояние духовенства до перевода епископа Димитрия на территорию Туркестана оставляло желать много лучшего, а после его перевода в регион, архиерей всячески поднимал церковную дисциплину и стремился к поднятию общего уровня образования духовенства, а также роста влияния Православной Церкви в регионе. В подтверждение тезиса о противодействии антисемитизму епископом авторами статьи также приводятся примеры из крымского периода его служения в период Первой мировой войны, когда градус национальных противоречий был довольно высоким. Статья входит в число материалов, направленных на выявление политической позиции русского епископата в период Первой мировой войны и Великой русской революции.

Туркестан, Православная Церковь, Крым, Димитрий (Абашидзе), антисемитизм, еврейский вопрос, церковная дисциплина.

Authors, Abstract, Keywords

Mikhailov Vadim Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Profes-

sor, Professor of the Department of History of the A.S. Pushkin Leningrad State University, 196605, Pushkin, Saint Petersburg, 10 Petersburgskoye shosse, Russia

ORCID: 0000-0001-9967-8572

batukom@mail.ru

Petrov Ivan Vasilevich – Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov, Associate Professor of the Department of Disciplines, Candidate of History Sciences, 190000, Saint Petersburg Sofiyskaya st., 52.

ORCID: 0000-0002-3692-7938

ivanspetrovs7@gmail.com; iv.petrov@spbrta.ru

The article analyzes Bishop Dimitri (Abashidze)'s position on the Jewish issue based on documents from the Central State Archive of Kyrgyzstan and research published in recent years in the Russian Federation. Previously, the focus of readers' attention was on his political position and attitude to interfaith and interethnic dialogue during the revolutionary upheavals of 1917 and the Civil War, and this time the time of his ministry in Turkestan is being considered. During the writing of the article, the authors came to the conclusion that Bishop Dimitry was not an advocate of anti-Semitism, but he strictly ensured that Orthodox priests in Central Asia strictly fulfilled their pastoral duties and ensured that former Jews did not convert to Christianity in order to receive preferences from the authorities. The fact was highlighted that the general condition of the clergy before Bishop Dimitri's transfer to the territory of Turkestan left much to be desired, and after his transfer to the region, the bishop did his best to raise church discipline and strive to raise the general level of education of the clergy, as well as the growing influence of the Orthodox Church in the region. In support of the thesis about the bishop's opposition to anti-Semitism, the authors of the article also cite examples from the Crimean period of his ministry during the First World War, when the degree of national contradictions was quite high. Russian Episcopate The article is one of the materials aimed at revealing the political position of the Russian Episcopate during the First World War and the Great Russian Revolution.

Turkestan, Orthodox Church, Crimea, Dimitri (Abashidze), anti-Semitism, Jewish issue, church discipline.

References

1. *Budnitsky O.V.* Evrei v Rossijskoj imperii. Kratkij kurs. 1772-1917. [Jews in the Russian Empire. Brief Course. 1772–1917]. Moscow, 2025. 360 s. (In Russian).

2. *Istoriya krymskih tatar. T. IV. Krym v sostave Rossijskoj imperii (konec XVIII – nachalo XX veka).* Inst istorii im. S. Mardzhani Respubliki Tatarstan. [History of the Crimean Tatars. Vol. IV. Crimea as part of the Russian Empire

(late 18th – early 20th centuries)]. Kazan', 2025. 1056. (In Russian).

3. *Flygin Y.S.* Deyatel'nost' Russkoj Cerkvi na nive prosveshcheniya v Turkestanskom krae. [Activities of the Russian Church in the field of education in the Turkestan region]. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke*. 2022. T. 6. № 2. pp. 112-133. (In Russian).

4. *Kalinovskij V.V., Puchenkov A.S., Samylovskaya E.A.* Sluzhenie arhipiskopa Dimitriya (Abashidze) na Chernomorskom flote. [Service of Archbishop Dimitri (Abashidze) on the Black Sea Fleet]. *Voprosy istorii*. 2020. no. 4. pp. 18-33. (In Russian).

5. *Kupoveckij M.S.* Buharskie evrei na territorii Kazahstana v XIX-nachale XX vv.: rasselenie i chislennost' [Bukharan Jews in Kazakhstan in the 19th and early 20th centuries: distribution and population] *Evrei v Central'noj Azii: istoriyai sovremennost'*. Moscow, 2004. pp. 209-211.

6. *Laj P. prot., Patrahin L., prot.* Po stopam apostola Fomy. [On the footsteps of the Apostle Thomas]. Voronezh, 2009. 591 s. (In Russian).

7. *Litvinenko P.V.* Kreshchenie adepto viudaizma v Turkestanskom krae vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: masshtabyimotivaciya [Baptism of Adepts of Judaism in the Turkestan Krai in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Scope and Motivation]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istorija Rossii*. 2022 Vol. 21 № 3. pp. 408–409. (In Russian).

8. *Marushchak V.*, protod. Arkhiepiskop Dimitrii (v skhime Antonii) Abashidze [Archbishop Dimitri (in the world Anthony) Abashidze]. Simferopol, 2005. 320 s. (In Russian).

9. *Ozmitel' E.E.* Pravoslavie v Kirgizii XIX-XX vv. Istoricheskij ocherk. [Orthodoxy in Kyrgyzstan. XIX-XX centuries. Historical essay]. Bishkek, 2003. 184 s. (In Russian).

10. *Petrov I.V., Puchenkov A.S.* Chernoviki budushchego»: problema antisemitizma v ryadah tavricheskogo duhovenstva v 1914–1917 gg. [“Drafts of the Future”: The Problem of Anti-Semitism in the Ranks of the Tauride diocese in 1914-1917]. *Voprosy istorii*. 2019. no12 (2). pp. 205-220. (In Russian).

11. *Puchenkov A.S., Kalinovskij V.V.* Duhovnyj forpost Rossii: pravoslavnoe duhovenstvo Kryma v 1914-1920-h godah. [Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of Crimea in the 1914-1920s.] St. Petersburg, 2020. 407 s. (In Russian).